

ОТДѢЛЪ УЧЕНЫЙ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ РЕДАКЦИИ СЪ ЧИТАТЕЛЕМЪ.

Въ объявленіи о нашемъ журналѣ мы сказали, что будемъ преслѣдоватъ *три* задачи: пропаганду убѣжденія, что философія есть самостоятельная наука, имѣющая свой особый предметъ и соответствующій ему методъ изслѣдованія, ознакомленіе русской публики съ положеніемъ этой науки въ Европѣ и ознакомленіе читателей журнала съ міросозерцаніемъ, выработаннымъ редакцію.

Теперь же считаемъ необходимымъ объясниться съ нашимъ читателемъ относительно *затруднений*, съ которыми сопряжено выполнение нашихъ задачъ, чтобы онъ былъ не только умѣренъ въ своихъ требованіяхъ отъ нась, но даже нѣсколько помогъ намъ въ борьбѣ съ трудностію дѣла.

„Что за трудность доказать, что философія есть самостоятельная наука, имѣющая свой особый предметъ и методъ, если это на самомъ дѣлѣ такъ“, спросить иной читатель. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прежде всего укажемъ на исторію. Уже два съ лишнимъ тысячелѣтія европейскіе философы доказывали вышеозначенный тезисъ (и доказывали, по нашему, удовлетворительно), а не смотря на то, во всѣ эпохи онъ постоянно оспоривался, такъ что философамъ постоянно приходилось бороться съ однимъ и тѣмъ же противникомъ. Такъ дѣло идетъ и до сихъ поръ, и намъ съ скромными силами приходится продолжать борьбу, которую

не могли окончить полною побѣдою великие философы, люди съ великими силами. Очевидно, что задача эта не легка и что, если бы намъ удалось привести ее къ удовлетворительному рѣшенію, то не скоро и не сразу.

Но пусть читатель не дѣлаетъ изъ нашихъ словъ того вывода, что трудность борьбы съ мнѣніемъ, отрицающимъ самостоятельность философіи, какъ науки, заключается въ его истинѣ, или въ его дѣйствительной силѣ съ одной стороны, а съ другой въ безсиліи философовъ поддержать свой тезисъ, потому что онъ ложень. Сила скептицизма, обращенного противъ философіи, не въ истинѣ его, а въ слѣдующихъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Во первыхъ онъ борется съ философіей ея же оружиемъ, во вторыхъ онъ находитъ для себя большую поддержку въ умственной лѣни и эгоизмѣ людей и въ третьихъ онъ ловко прячется подъ личиной, скрывающей его истинную природу.

Всѣ возраженія, которыя приводить скептицизмъ противъ философіи, стоятъ на предположеніи, что философія или *есть*, или *должна быть*. Вотъ тезисъ, который намъ придется развивать и доказывать передъ нашими читателями. Мы говоримъ: придется, потому что сейчасъ дѣлать этого не станемъ, во первыхъ потому что это весьма обширный и сложный тезисъ, а во вторыхъ потому что въ него входятъ очень многіе предметы, относящіеся ко второй и третьей общимъ задачамъ нашего журнала. Теперь же мы только намекнемъ на возможный ходъ развитія нашего тезиса. Такъ положимъ, напр., что мы будемъ разматривать одинъ изъ аргументовъ скептицизма противъ философіи, состоящей въ томъ, что она предстоитъ во *многихъ* системахъ, а *и тина одна*, слѣдовательно, философія не ис-

тинна, не научна, и т. д. Тогда мы докажемъ, что прямо высказываемое или подразумѣваемое положеніе, что „истина одна“, принадлежитъ къ содержанию философіи и можетъ или должно находиться только въ ней и что изъ содержанія какихъ либо другихъ наукъ скептицизму его взять нельзя. Далѣе мы докажемъ, что это положеніе всегда содержалось во всѣхъ историческихъ формахъ и системахъ философіи, составляя ихъ краеугольный камень, и что оно необходимо должно было возникнуть въ философіи въ силу особенностей ея предмета и метода. Приблизительно ту же процедуру намъ пришлось бы повторить и въ случаѣ изслѣдованія другихъ аргументовъ скептицизма противъ философіи. Очевидно, что въ ходѣ этихъ доказательствъ мы должны были бы заняться объясненіемъ такихъ понятій, какъ истина, наука и т. п. Изъ этого одного примѣра читателю станетъ понятно, что дѣло наше было бы хотя и возможнымъ, но не легкимъ и потребовало бы большихъ умственныхъ усилий не только отъ насть, но и отъ читателя.

По второму пункту нашей первой задачи намъ пришлось бы доказывать, что, только благодаря умственной лѣни и эгоизму людей, представителямъ философіи все снова и снова приходится бороться съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, бьющимся съ нею ея же оружіемъ, и снова наносить ему тѣ же самые удары, что и въ предшествующей схваткѣ. Много разъ уже философія опровергала скептицизмъ, отрицающей ее, и всетаки онъ снова являлся на умственную арену, зачастую мѣняя одежду, имя и тактику нападенія. Объясняя это явленіе, мы доказывали бы, что постоянная причина его коренится въ человѣческой лѣни и эгоизмѣ. Мы доказывали бы во первыхъ, что изъ нихъ непосредственно выходитъ и самый врагъ—скептицизмъ, а во вторыхъ

что публика, аплодирующая и поощряющая этого всегда эффектно гарпующего рыцаря, поощряет въ концѣ концовъ свое собственное легкомысліе и беззаботность. Такъ какъ эти свойства ея постоянны, то она быстро забываетъ, что на ея глазахъ ея рыцарь былъ низвергнутъ и, когда онъ, возрожденный, словно фениксъ изъ своего пепла, снова появляется передъ ней съ новымъ именемъ, то она не узнаетъ въ немъ побѣженного и снова рукоплещетъ и т. д. Философія *трудна* потому что утомителенъ и тернистъ путь къ ея цѣли, *единой истинѣ*, которую она ставить своимъ идеаломъ въ самомъ своемъ началѣ; а люди, хотя и не отрекаются прямо отъ истины, но хотятъ получить ее безъ труда и усилій въ видѣ милостиваго дара боговъ. Далѣе философская истина всегда ведетъ къ различнымъ нравственнымъ обязательствамъ и ограниченіямъ человѣческаго эгоизма, который по этому естественно презираетъ *безплодную* и *безполезную* философскую истину и предпочитаетъ ей *полезныя* истины другихъ наукъ, имѣющихъ прямое практическое приложеніе къ жизни. Конечно, при этомъ человѣческій эгоизмъ не понимаетъ, да, пожалуй, и не подозреваетъ, что философская истина имѣеть чрезвычайно важное значеніе въ *общемъ* тонѣ и направлениіи умственной, нравственной и эстетической жизни цѣлыхъ обществъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Намъ придется еще обстоятельно доказывать это значеніе и въ особенности выяснить, что общество въ пониженіи этого тона всегда несетъ *должную кару* за поощреніе философскаго скептицизма, по видимому, облегчающаго его отъ безполезной умственной работы и излишнихъ обязательствъ.

Наконецъ, по третьему пункту нашей первой задачи намъ придется доказывать, что въ огромномъ большинствѣ

случаевъ скептицизмъ, отрицающій философію, есть *маска*, которую надѣваетъ философія же въ тѣхъ ея направленіяхъ и развѣтленіяхъ, которыя или сознательно или инстинктивно чувствуютъ свое безсиліе въ открытой борьбѣ съ другими соперничающими направленіями. Такимъ образомъ можетъ быть объяснено отрицательное отношеніе къ философіи у многихъ представителей религіозныхъ воззрѣній. Это отрицаніе они ставятъ въ основу для утвержденія своей религіозной истины; но мы можемъ многочисленными историческими примѣрами доказать, что скептицизмъ этотъ нуженъ не для религіи, какъ таковой, а спеціально для философскаго воззрѣнія, входящаго въ амальгаму религіознаго ученія *). Такъ, напр., самое обычное дѣло, что *мистическое* философское направленіе ставить себя отрицательно къ философіи вообще, но себя, какъ философію, прикрываетъ именемъ религіи. Точно также надѣваетъ на себя маску отрицанія философіи *матеріализма*, которому этотъ маневръ выгоденъ въ борьбѣ съ его антагонистами, идеализмомъ и спиритуализмомъ; себя же, какъ философію, онъ прикрываетъ именемъ и одеждою такъ называемыхъ точныхъ наукъ. Тотъ же маневръ продѣлываетъ иногда *феноменизмъ* или философское направленіе абсолютной перемѣны, а также и *нашій реализмъ* или философія здраваго смысла.

Все это мы можемъ доказать на основаніи анализа сочиненій и прежнихъ, и современныхъ представителей философскаго скептицизма; но, конечно, дѣло это не легкое и требующее и времени, и усилий. Затѣмъ изъ этой отрицательной нашей работы сами собою вытекутъ положитель-

*) По нашему мнѣнію, въ каждое религіозное ученіе входитъ и какое либо соответствующее ему философское міросозерцаніе.

ныя утверждение и обосновка нашего тезиса о самостоятельности философії, какъ науки.

Что касается до второй задачи нашего журнала, то въ ней предстоять затрудненія, пожалуй, еще большія, чѣмъ въ первой. Уже только въ трехъ странахъ Европы, идущихъ во главѣ европейской цивилизациі, Англіи, Франціи и Германіи (не говоря объ Италіи) появляется такая *massa* сочиненій, по различнымъ философскимъ дисциплинамъ, въ отдельныхъ книгахъ и во многихъ специальнно-философскихъ и общихъ журналахъ, что для обстоятельный указанія на нихъ и оцѣнки потребовалось бы обширное ежемѣсячное изданіе и трудъ десятковъ специальнно знакомыхъ съ философией лицъ. Но, не смотря на скромныя размѣры нашего журнала и не смотря на то, что мы должны въ выполненіи нашихъ задачъ разсчитывать главнымъ образомъ на собственныя слабыя силы, мы все таки надѣемся, въ теченіи немногихъ лѣтъ, выполнить ихъ въ достаточной для русскаго читателя степени. Эта надежда основана на томъ, что мы въ этомъ выполненіи будемъ имѣть въ виду не специалистовъ философіи, которые слишкомъ не многочисленны въ Россіи, чтобы для удовлетворенія ихъ могло существовать особое изданіе; а кромѣ того они имѣютъ полную возможность слѣдить за движениемъ философіи по иностраннымъ журналамъ. Мы будемъ стараться удовлетворить тѣхъ читателей, которые и живо интересуются философскими вопросами, и достаточно развиты, чтобы понимать ихъ изслѣдованіе и решеніе, но которые не имѣютъ ни времени, ни средствъ специальнно отдаваться этому дѣлу. Становясь на эту точку зрењія, мы и надѣемся до извѣстной степени ограничить затрудненія нашей второй задачи и преодолѣть ихъ.

Читатель, котораго мы имъемъ въ виду, интересуется, по нашему предположенію, философіей, ради того, чтобы, на сколько возможно сознательнѣе, принять то или другое *философское міросозерцаніе*, въ которомъ у него чувствуется потребность. Для этого ему нужно знать, какія въ настоящее время существуютъ важнѣйшія направленія, знать ихъ сущность, основныя положенія и главныя отличія другъ отъ друга, далѣе знать о выдающихся представителяхъ этихъ направленій и выдающихся сочиненіяхъ, въ которыхъ они изложены. Желая удовлетворить такимъ требованіямъ, мы время отъ времени будемъ помѣщать общіе сравнительно сжатые обзоры современного состоянія европейской философіи а также специальные очерки той или другой философской системы. Далѣе мы будемъ знакомить съ дѣятельностью того или другаго сравнительно выдающагося европейскаго философа въ извлеченіи изъ его сочиненій, или въ ихъ переводахъ съ нашими критическими замѣчаніями. Наконецъ мы будемъ предлагать читателю рефератъ или анализъ отдѣльныхъ сочиненій, разрабатывающихъ какой либо важный частный вопросъ въ философіи, или вообще замѣчательныхъ въ какомъ либо другомъ отношеніи.

Всѣ вышеизложенные нами работы будутъ главнымъ образомъ опредѣляемы цѣлью дать читателю вышеозначенного типа возможность ориентироваться въ сознательномъ выборѣ философскаго міросозерцанія.

Третья задача нашего журнала—высказать *наше* философское міросозерцаніе также потребуетъ отъ насъ много усилий. Мы не можемъ назвать кратко то направленіе, къ которому принадлежимъ, какъ потому что употребляемые для того термины не имѣютъ точно опредѣленного значенія, такъ и потому что *наше* міросозерцаніе, къ сожалѣнію,

представляетъ уклоненія *) даже отъ тѣхъ изъ существующихъ, которымъ мы наиболѣе сочувствуемъ. Всего охотнѣе мы назвали бы наше направленіе *идеализмомъ*; но мы уклоняемся отъ идеализма Канта въ важномъ пунктѣ о непознаваемости бытія („вещи въ себѣ“) и въ несоразмѣрно важной роли, которую и самъ Кантъ (въ „Критикѣ чистаго разума“) и его важнѣйшіе преемники придаютъ познавательной (Гегель и Гербартъ болѣе, Шеллингъ менѣе) дѣятельности духа на счетъ воли и чувства. Съ сочувственнымъ также идеализмомъ Шопенгауера нась раздѣляетъ его абсолютный *пессимизмъ*. Что касается до идеализма (точнѣе феноменизма) англичанъ, то онъ еще менѣе кантовскаго удовлетворяетъ нась, да и при томъ онъ постоянно и неизбѣжно впадаетъ въ скептицизмъ по отношенію къ философіи, или же материализмъ, направленія, совершенно намъ *чуждыя*. Но не смотря на наше вполнѣ отрицательное отношеніе къ материализму, мы не можемъ стать подъ знамя направленія, называющагося *спиритуализмомъ* (напр., французскій начиная съ Декарта), ибо въ немъ не преодолѣнъ дуализмъ духа и матеріи. Отъ *панпсихизма* Лейбница и близкихъ ему системъ (Гербартъ, Лотце) отдѣляетъ нась его плорализмъ. Точно также не прочь мы были бы отъ названія нашего направленія *эмпиризмомъ*, ибо дѣйствительно опытъ есть ос-

*) Мы говоримъ къ *сожалѣнію*, потому что сознаемъ ущербъ для, признаваемой нами за истинную науку, философіи вообще отъ *разнѣ и уклоненій*, въ ней господствующихъ,—а слѣдовательно, сознаемъ и всю нравственную отвѣтственность, лежащую на уклоняющемся. Кроме того для субъективнаго чувства гораздо *удобнѣе и пріятнѣе* идти съ другими, быть въ школѣ, и въ своихъ философскихъ убѣжденіяхъ опираться на признанный высокій авторитетъ основателей школы и дѣятельность многихъ ея послѣдователей. Но съ другой стороны въ выработкѣ истины обязательно идти до конца!

нова нашего міросозерцанія; но этимъ названіемъ, въ его обыкновенномъ употребленіи, далеко не покрываются дѣйствительная область истиннаго опыта.

Въ слѣдствіе невозможности прямо указать на наше направленіе и міросозерцаніе, мы предполагаемъ познакомить съ нимъ читателя слѣдующимъ путемъ. Во первыхъ время отъ времени мы будемъ прямо помѣщать статьи, выражавшія тотъ или другой пунктъ этого міросозерцанія, а во вторыхъ мы будемъ высказывать его и косвенно въ утвердительной или отрицательной оцѣнкѣ чужихъ системъ и воззрѣній въ ихъ цѣломъ или въ частяхъ.

Теперь спрашивается, чѣмъ можетъ помочь намъ читатель въ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ выполнениемъ нашихъ задачъ?

Во первыхъ *терпѣніемъ*. Какъ размѣры нашего изданія, такъ и наши силы представляютъ весьма малую величину, сравнительно съ обширностью и сложностью задачъ. Если бы даже, что, впрочемъ, крайне сомнительно, читающая публика на столько поддержала материально наше изданіе, что размѣры его могли бы быть увеличены, то оставалось бы не малое затрудненіе въ сотрудникахъ. Мы достаточно знаемъ число лицъ, заявившихъ себя въ нашей литературѣ трудами по философскимъ наукамъ; оно весьма невелико, если даже мысленно прибавить къ нему и тѣхъ, которые, предположительно, еще ни чѣмъ не заявили, но могли бы заявить себя. Но и изъ этого малаго числа значительная часть не можетъ быть нашими сотрудниками. Такъ, напр., по первой нашей задачѣ, не могутъ быть нашими сотрудниками лица, отрицающія философію, какъ науку, прямо или косвенно, (называя ее метафизикой); или по третьей

задачъ не могутъ быть лица несочувственныхъ или враждебныхъ намъ направлений. Такимъ образомъ терпѣніе читателя какъ бы возмѣстить недостатокъ нашихъ силъ.

Во вторыхъ онъ намъ поможетъ своимъ *вниманіемъ*, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда мы въ одной и той же статьѣ будемъ преслѣдовать двѣ цѣли: одну прямо, другую косвенно или когда, напр., изъ нашего отрицательного отношенія къ какому либо сочиненію или цѣлому направленію можно вывести надлежащее заключеніе о нашихъ положительныхъ взорѣніяхъ и т. п. Какъ идеаль нашихъ будущихъ отношеній къ постоянному и сочувствуему намъ читателю, мы ставимъ такое *духовное общеніе* съ нимъ, въ которомъ люди понимаютъ полную мысль другъ друга изъ одной какой либо части, или даже изъ одного намека на эту мысль.

Наконецъ въ третьихъ читатель поможетъ намъ *прямымъ обращеніемъ* къ намъ съ интересующими его вопросами, которые могутъ возникнуть у него или по поводу нашего журнала, или инымъ путемъ, и на которые мы постараемся отвѣтить соотвѣтственно нашимъ силамъ и другимъ обстоятельствамъ. Безъ отвѣта останутся только тѣ вопросы, на которые отвѣтить, по какимъ либо отношеніямъ, неудобно или несвоевременно, а также вопросы праздные или показывающіе, что вопрошающій не ясно понимаетъ, чего ему хочется. Конечно, вопрошающій будетъ извѣстенъ только редакціи, а не публикѣ, ибо важность въ вопросѣ, а не въ личности вопрошающаго.

Съ вышеизложеною помощью отъ читателя мы надѣемся по немногу и постепенно выполнить наши задачи и тѣмъ, хотя бы въ самой малой мѣрѣ, способствовать развитію философскаго знанія въ нашемъ отечествѣ.